

Яков Рокитянский

Музыка Ноосферы

СТИХИ

ЯКОВ РОКИТЯНСКИЙ

МУЗЫКА НООСФЕРЫ

Стихи

Київ
ТАЛКОМ
2020

УДК 821.161
Р66

Яков Рокитянский

Р66 Музыка Ноосферы: стихи / Яков Рокитянский;
под ред. И.И. Рокитянского. — К.: Талком, 2020. —
76 с.

ISBN 978-617-7832-43-9

В стихах Якова Игоревича Рокитянского нашли отражение сложные проблемы молодого поколения 1980-ых годов, не желающего привычно следовать стереотипам старого мышления и рифмованного ямбического стихосложения. Диапазон его настроений широк: от боевого «Заклинаю себя не спать, из рук оружие не выпускать!» до пессимистического «и ничем не успеть мне остаться на свете».

УДК 821.161

У віршах Якова Ігоревича Рокитянського знайшли відображення складні проблеми молодого покоління 1980-х років, яке не бажає звично слідувати стереотипам старого мислення і римованого ямбічного віршування. Діапазон його настроїв широкий: від бойового «Заклинаю себе не спати, з рук зброю не випускати!» до песимістичного «і нічим не встигнути мені залишитися у світі».

ISBN 978-617-7832-43-9

© Яков Рокитянский,
Игорь Рокитянский, 2020

Вступительное слово отца поэта

Стихи Якова Игоревича Рокитянского (1964–2017)

написаны в основном в 1984–1989 годах, когда автору было 20–25 лет, и он был в состоянии поиска своего пути, критического осмысления себя и мира вокруг него. Окружающие родственники не понимали его. Стихи и музыка (его импровизации не сохранились) стали для него средствами самовыражения. Он не ставил цели заработать, прославиться, убедить кого-либо в своих взглядах или правоте. Он хотел понять себя, мир, природу, общество, Бога. Крестился он в 20 лет по собственной инициативе.

Мы, родители, одобряли его увлечение стихами (хотя пессимизм и сложность стихов нам не импонировали), перепечатывали их и пытались содействовать их изданию. С 1988 по 1991 посылали стихи в некоторые газеты и журналы, но безрезультатно: редакторы отвечали за идейное содержание публикуемых материалов (господствовала социалистическая идеология), а оно не было безукоризненным, скорее сомнительным. Сохранились отзывы рецензентов 2 журналов, отмечавшие плюсы и минусы с рекомендацией «доработать». Была и рецензия известного поэта и барда Городницкого:

Александр Городницкий о стихах Якова Рокитянского:

«И не буду учиться чужому»

Эта строка из стихов молодого поэта Якова Рокитянского вполне характерна для них. В них нашли отражение сложные проблемы сегодняшнего нового поколения, не желающего привычно брать на веру стереотипы старого мышления и рифмованного ямбического стихосложения. При всей спорности, частом несовершенстве и некоторой литературности этих стихов они привлекают самостоятельностью видения и отображения окружающего мира во всей его сложности и неуюте. Неслучайно обращение автора к верлибрам, — он органично не может втискивать свои мысли и впечатления

в накатанный ритм с звездиками рифм в конце каждой строки. Его эксперименты не всегда кончатся успехом, но само стремление к метафоричности, отказ от автологии, иногда излишнее усложнение стихов, свидетельствует о любви автора к слову и серьёзной работе с ним.

Стихи Якова Рокитянского не всегда ровны. Более других мне нравится стихотворение — почти проза, — «Музыка ноосферы», очень точно отражающее кредо автора, печаль поколения: «Помните, когда все бежали в ужасе и не слышали Музыки. Наш страх кричал так громко, что многие оглохли навсегда. Сейчас точно также: мы не слышим Музыки, но знаем, что она есть.» В наше сложное время, которому предшествовали десятилетия неискренней «печатной поэзии», почти уничтожившей веру в стихи среди молодежи, очень важно не слыша Музыки, знать «что она есть».

Мне представляется, что лучшие из его стихов, из которых может быть составлена небольшая книжка, должны быть опубликованы и вызовут интерес.

*27.09.1988, Москва. Подпись А. Городницкий,
член Союза Писателей СССР*

После развала СССР в 1991 г. в связи с появлением новых проблем мы перестали печатать Яшины стихи на пишущей машинке и многие более поздние наброски, которые Яша делал на случайных разрозненных листах, не сохранились, а которые сохранились, содержат недоработки и требуют неоднозначное до-редактирование... Да и накал его творчества после 1980-ых пошел на убыль. Жизненные неудачи, болезни. И в 2017 году он умирает и за минуты до смерти крепко жмет мне руку, как бы вручая свою дальнейшую судьбу. Да, **моё обращение к стихам Яши, провалявшимся на полках более 30 лет, было стимулировано его смертью, моим острым стремлением как-то продолжить общение с ним и желанием продлить его присутствие в нашем мире.**

Мои сомнения в ценности Яшиных стихов были уменьшены после чтения «Воспоминаний» Варлама Шаламова (автора Колымских рассказов), его обсуждением, что такое поэзия. В 1920-ые годы некоторые журналы, старавшиеся работать по заказу революции, просили присылать новые необыкновенные рифмы и провозглашали: «Мастерство мы ставим на пользу советской власти, готовы рифмовать ее лозунги и газетные статьи, писать фельетоны в стихах...» Маяковский и его последователи ставили «заготовку рифм» на широкие рельсы (а как же: пусть каждый «Землю попашет, попишет стихи» Маяковский). Мой дед — Яшин прадед Яржемский Яков Ипполитович (см. фото 9 на стр. 59), в честь которого назвали Яшу, к концу 1920-ых составил толстенную рукопись, как писать стихи, снабдив ее тысячами разнообразных рифм. Напечатать ее не удалось, но рукопись у меня сохранилась вместе с черновиком письма Сталину (возможно и не отправленному), в котором дед просил содействовать её напечатанию.

Однако Шаламов (а теперь и я) думал иначе: «Мастерство — далеко не главное в поэзии»... «Поэт должен сказать свое, не обращая внимания на форму, пытаюсь донести до читателя то новое и важное, что поэт увидел в жизни» И далее: «Для настоящих стихов мастерства мало. Нужна собственная кровь, и пока эта кровь не выступила на строчках, поэта в настоящем смысле нет, а есть только версификатор. Поэзия — судьба, а не ремесло», «Научиться писать стихи нельзя» [Шаламов, Воспоминания]. Шаламов приводит цитаты из известных поэтов: «Талант — единственная новость, которая всегда нова» — Пастернак. «У поэта нет карьеры. У поэта есть судьба» — Блок. К этим цитатам хочу присоединить великолепное стихотворение Кайсына Кулиева:

- *Идти в снегах по грудь, хватая сил покуда,
Идти и этот путь не выдавать за чудо —
Вот что такое поэзия!*
- *Свою тропу найти на непроступном склоне*

*И сердце пронести открытым на ладони —
Вот что такое поэзия!
— Дарить любовь свою и в радости, и в горе
И льву, и муравью, и ручейку и морю —
Вот что такое поэзия!
— В то место, где беда, с участием и любовью
Спешить в тот час, когда сам истекаешь кровью —
Вот что такое поэзия!
— И так болеть за всех, чтоб боль твоя была
Сильнее боли тех, к кому беда пришла —
Вот что такое поэзия!*

Да! Яша писал не для карьеры, а по внутренней потребности, в некоторых его строчках проступает «собственная кровь». Следовательно, можно полагать, что, несмотря на многочисленные недоработки и дефекты его стихов, Яшу можно считать истинным поэтом.

Нигде после школы не учился, но обладал широкой эрудицией по многим вопросам религии, философии, медицины, импровизировал в стихах, музыке, пении, друзья обращались к нему за советами и он щедро помогал им.

Я собрал и упорядочил его стихи и разослал в 20–30 адресов знакомым и родственникам. Реакция была положительная. Вот, например, крымский поэт и прозаик Владимир Спиртус в 2019 г. написал:

В целом разделяю мнение А. Городницкого. У Яши был поэтический талант. Он интуитивно правильно выбрал наиболее подходящие для него изобразительные средства. Это — сформировавшаяся в 20 веке форма композиции — верлибр, когда нет ни размера, ни рифмы, а строчки не упорядочены по длине. За счет стихийного управления ритмикой стиха может достигаться высокая степень свободы и пластической выразительности. В сочетании с приемом «потока сознания» и плотной насыщенностью метафорами может созда-

ваться сильный эффект. Подобные вещи особенно характерны для современной европейской поэзии (французской, в частности).

Мой друг и коллега по работе, профессор геологии и геофизики, а также ценитель и исполнитель нескольких видов искусств, включая поэзию, Абдулхай Азымович Жамалетдинов поделился своим мнением о Яшиных стихах:

«При пересылке мне Яшиных стихов его отец, Игорь Иванович Рокитянский, просил меня подредактировать некоторые из них. Я попытался это сделать. Но, промучившись с неделю, понял, что не имею на это права уже хотя бы потому, что духовный мир Яши оказался намного сложнее моего, простого и прямолинейного. В его стихах все выстрадано, все кажущиеся шероховатости и неровности стиля, оправданы требованиями внутренней логики.

«Исправляя» их, я чувствовал, что пытаюсь резать по живой ране его души. Кроме того, понял, что Яшины стихи нельзя читать «поштучно». Только собранные вместе они позволяют увидеть и прочувствовать внутренний мир молодого человека, страдающего от несовершенства окружающего мира и своего собственного и пытающегося найти выход из безвыходной ситуации. Предлагаемый читателю сборник стихов Якова Рокитянского представляется мне как небольшой роман, в котором нет повторений. Каждое стихотворение или четверостишие дополняют друг друга. Поэтому не случаен сознательный отказ автора от внешней «красивости» аккуратного ямбического рифмования стихов и переход к угловатой форме «потока сознания». Лично мне этот стиль, модный среди современной молодежи и, как правило, нашпигованный затрапезными бульварными словечками, не нравится. Но у Яши «поток сознания» звучит по-другому. У него этот стиль подчинен внутренней логике израненной

души и богат замечательными метафорами, отражающими высокий интеллектуальный уровень автора. В итоге я предложил Игорю Ивановичу печатать стихи его сына, Якова Игоревича Рокитянского в их первоизданном виде.

Добавлю, что судьба Яши, как поэта, удивительным образом перекликается с судьбой советского страдальца, поэта и писателя Венички Ерофеева, музей которого недавно открыт в городе Кировске Мурманской области. Оба они были подвержены человеческим слабостям, столь характерным для российской интеллигенции, и творили в состоянии творческого накала, примерно в одно время социальных издевательств политической элиты над российским народом».

/А. Жамалетдинов, Март 2020/

Выражаю глубокую признательность всем, кто поддержал издание этой книжки и помог в ее оформлении.

Ниже даны в основном напечатанные на машинке в середине и конце 1980-ых сохранившиеся стихи, с попыткой их упорядочения по тематике. Дата написания у многих стихов отсутствует. Заглавие (если есть) дано перед стихотворением.

Окружающий мир и его восприятие в 1980-ые

1. Не люблю рифмовать

Не люблю рифмовать, а слова иногда ненавижу,
На любовь наплевать, помогала мне ненависть выжить
Серебро одиночества, золото объединенья.
Презирая металл,
Будь же камнем мое поколение!
Как идти по дороге, которая плоть или знаки,
Чтоб остаться собой, хоть немного светясь в окружающем
мраке?
Мёртвый звон кандалов заглушить ли искрой голословья?
Из растоптанных слов возродиться ли новой любовью?
Серебро одиночества, горечь утраты и гордость...
Золотая оправка единственных слов, дай нам сил
Обрести в единении разума твёрдость,
Чистой волей свободы, чтоб истина мир осветила!
Братья, слышите! Нашей искры не хватает!
Это значит, молчать не имеем мы права!
Братья, где же вы?! Вера нужна человеку, кто бы ты ни был.
Вера тебя отличает от враждебного Мира, —
Мира, который — чудо, если мы до сих пор живы,
если в сердце осталось чувство.
Не люблю рифмовать и за это себя ненавижу,
Потому-что назвать обязался словом всё,
Что знаю и всё, что вижу, а не на чужом-готовым.
Ненавижу привычки в людях, что порой выдают за веру.
Верю в то, что иначе будет, и я в этом не разуверюсь.

4.05.1986

2. Музыка ноосферы

Вот она, горячая извилистая дорога зовет меня.

Отсюда она похожа на желтую нитку,

А вокруг поля:

Поля кукурузные, магнитные, шахматные, конопляные...

Ротозеи шляются взад и вперед, размахивая хоботами.

Воздух сух и каменист, зеленоватыми прожилками сверху вниз.

Бархатные цветы плывут по дороге, то плавно и легко, то бурно и стремительно, путаясь в ортодоксальных кувшинках и динамических пароксизмах покоя под копытные звуки регтайма, доносящиеся со второго этажа.

А с четвертого уже явственно проступает поле зрения, испещрённое множеством точек, и отдаленные очертания первых Предвестников.

С двенадцатого же этажа и вовсе ничего не видно, что так необходимо усталым постояльцам печального застолья, бросающим с лестницы скомканные сигаретные пачки, как бросают жребий под вкрадчивый шелест стенографисток и тревожно-придушенное стрекотанье телекамер, слегка отдающее сыростью камер тюремных.

Но лифт не работает, а фаянсовый рояль под стремительными пальцами сиятельного любителя быстрой езды почти глассирует и вздохов напрасных не вызывает.

Право кататься на велосипеде по ковровой дорожке из конца в конец не фикция. Но упасть, упасть прямо перпендикулярно воображаемой высоковольтной линии, вывалившись из двузначного хранилища сомнительных метаболизмов прямо в низкую облачность через окно, гораздо порядочней, чем делать вид, что память начинает нам изменять, и плести ни весть что, упорно отмахиваясь от мыслей и комнатных насекомых, вяло атакующих инфантильных пришельцев под ритмичные подергивания индифферентных хозяев поля.

Дети плачут, взрослые матерятся, воздействуя таким образом на друг друга, на окружающую среду и самих себя; — создают и поддерживают ноосферу на стабильном постоянном уровне.

Так было. Помните, когда все бежали в ужасе и не слышали
Музыки. Наш страх кричал так громко, что многие оглохли
навсегда. Сейчас точно также: мы не слышим Музыки,
но знаем, что она есть.

Климатический опиум — сеть опоясывает
скрытое сердце планеты,

Шельф — океанская гусеница подпирает
подшвы шагающих гор.

Тектонические артерии вращают полярность.

В атлантической улыбке расплываются скулы материков.
Магматический спазм в сокращениях мышц великих разломов

Рудным нервом подает нам знак подобный
Южному Кресту перед бурей.

Соединенные в пожатии руки оставляют все слова за спиной.

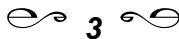
Свет поднимается с востока, но не становится словами.

Чтобы словам стать светом, давай помолчим на дороге.

Здания мне не нужны, к полям не притронусь, пока головы
не сложу.

Музыка, дай мне дорогу! Господи, дай мне дорогу!

1984–1985

В высоту из бушующих чертополохов,
Из утробы гигантского трубопровода,
Через жизнь, которой желали и жили,
Через стены, в которых пытались казаться другими,
Подниматься — призвание духа и дерзость
Шаг над бездной и всё обретает значенье:
Слышишь шум — это ветром гонимые листья.
Слышишь музыку — это звучит чьё-то сердце,
Разрывая себя, как стальные объятия власти.
Пусть Земля закачалась — ногами её удержи!

О глупец, убоявшийся смерти!
Человек! Не уподобляйся скотине!
Не забывай о том, что за тысячи лет до твоего рождения
 Был сделан выбор.

 Человека можно только убить,
 Животное можно продать и купить,
 Вещь можно выбросить и сделать новую.
Нет Иуда — тебе не видать римского гражданства!
Твоя участь — быть пылью на обуви легионеров:
 Они убили — ты продал.

Если бы ты убил, то даже двадцать серебряников
 Пошли бы тебе на пользу!

Молодость моя незрячая на распутье:

 Справа слышу я «не убий!»

 Слева шепотом «не продай!»

 В спину толкают меня «говори!»

 И прости в лицо «не солги!»

 Сердце сбивается с ритма,

Потому-что должен сказать слова,

 Но бессильны слова!

 Глаз не могу поднять,

 Потому-что они пусты.

 Струн лишь едва коснусь

 Слышится только фальшь.

 О чаше молю!

 — Прости!

 Что повторил себя.

19.04.1986 Хабаровск

Касаясь только тонких струн
Пронзительно и судорожно звонких
Кто искру высекал из грубой глины
И из холста пустой породы уголь,
Чтоб Печь топить под тайные напевы?
Кто был старатель и хранитель слова,
Могущего сегодня зазвучать не громче, но сильнее иного?
Кто ждал, как звуки эхо ждут начала неземной болезни
Землетрясения и песни к восходу Солнца рвущей грудь.
Чей добрый дар хранить едва ли в силах,
Чей вздох и слог не сбыть, не удержать
Нам, нынешним, забывшим свое имя,
Но призванным его посевы жать.

2.01.1985 Ухта

6. Распятый мир

На молниях и на серебряных цепочках
Распятый миг всё содрогался
В плафонах круглых ламп, плывущих навстречу
А всё то, что не сумел ты отдать
Отражается в стёклах очков безразлично, зеркально.
Распятый мир
На полосатых резинках и полиэтиленовых кульках
Препарированный, размноженный, разглаженный
И вновь заезженный, изжеванный
На эскалаторном конвейере массового туризма чувств.
Но если снять ВСЕ очки?
Неужели только стекло способно отражать,
Неужели привычка и абсурд сильнее способности зрачков
Видеть? — в них невозможно отразиться
И что делать в них ЕМУ, рождённому любить.

Повторение — трение в прозе скрипучих осей
 Разных фраз одинаковых слов — всё без смысла
 Паранойд скрипичных ключей-палачей
 Муравейник кирпичного астigmatизма.

То ли листья в объятых камней
 То ли камни в объятиях листьев — скульптура.
 Разбудили ночные глаза — как умели пасли свою шкуру.
 Дивно стадо — змеиная мёртвая кожа,
 А с кого и чего — лишь сухое черное ложе.
 Чашей лунного яда русла подземные как наполнять?
 Камо грядеши, Боже!? Ничем пастуха не унять.
 Посмотришь — кто пастырь здесь, кто скотина?
 Где ключи от магнитного плена?
 Где выход из атомных склепов?!
 Струну натянув между сердцем и мозгом,
 Искал тишину на границе поющего бреда,
 Но ушло моё детство слепое под знак муравья.
 Барабанная дробь, как и дробные числа
 Повторения ищут в словах,
 Оправдания всякой кривой ... и потеха
 — Скрипучее эхо
 Загробного смеха:
 Распятие вниз головой.

8. Аллитерация

Хочу молчать, чтоб слышали меня,
 Как если бы умел я говорить.
 Как инвалид всех предстоящих войн
 Имею право на молчанье я.

Но голос, заблудившийся в словах,
Уже не звук. В кромешной слепоте дыхания
Хочу ли слышать тишины бездонный звон?
Как воплотить,
Как вопль превратить
В понятный памяти удар по застоявшимся устоям?

Хочу, могу, имею право,
Но где я сам? Верните мне меня!
Где те поля, что станут мне постелью,
Когда с долгами рассчитаюсь я.

Неузнаваемый язык грядущих воздаяний
Иль места, где я сам себя не слышу,
Мой враг, похоже, бестелесен:
Навстречу мне лишь тень — ударил в спину свет!
Кричу, упавши на колени,
Как Зло кричит об искупленье.
О Боже мой, как страшен этот крик
(Не мой — мне уст не разомкнуть, но)
Эхо мечется в колодце с моим изображением на дне...
Я сплю и просыпаюсь в тишине могильных склепов будущего.

Тонкая черная линия делит мишень на две части.
Мертвая зона. Медлительный мозг.
В глине вязнут тяжелые пальцы.
Небо — точный металл, но никак до курка дотянуться
не может мой город — стрелок.
Холод и власть. Он моя колыбель ледяная.
В нем из ртути куют зеркала,
равнодушно-бездумные мысли удар за ударом.
Пульса клюв занесен над висков скорлупой.
В горле-стволе сердце-пуля звенит серебром.

∞ 10 ∞

День пройдет без следа. Успокоится все, что могло бы
 оставить следы.
 Причисляясь к бесчисленным кучам отбросов, из глазниц
 вытекают глаза...и мозги вслед за ними
 Это ночь и над сном обескровленной жизни снег кружится,
 как вороны из негатива —
 Противно кричат в чёрном ящике неба, но крика не слышно
 настолько они далеко.
 Лязг лопаты-ковша, соскребающей мерзлую мерзость
 с асфальта:
 Трупы птиц и растений, идей и расчетов, эмоций и взглядов
 на миропорядок
 Бьётся с собственным эхом. Контейнер из зимних трущоб
 подается в трущобы без времени,
 Где постоянно голодный электрической челюстью щелкает
 там автоклав...
 Ночь пройдёт, и опять колбасу привезут в магазины.
 И желудок вещает, что деньги не пахнут,
 И владелец его, от вещизма слегка посинев, атакует
 прилавок.

11. *Мой город*

В свинцовом плаще зараженных дождей
 В железных кроссовках электростанций
 В латаных джинсах чужих идей
 Не верю в возможность навеки расстаться.
 Где ты? — В глазах пламенеет кровь.
 Скука? — Воздух твердеет в лёгких.
 Киев! — В морду и в рифму — любовь,
 Как бессилие в крыльях, свечей опаленных.

У каждого сердца правда своя
И боль. Нам же нет друг без друга счастья,
Город мой! Успокоюсь я,
Лишь найдя пониманье в твоих объятьях.
 Ты меня никогда не жалел,
 Как за это тебе благодарен,
 Мне не хватит ни слов, ни дел
 Рассказать и узнать, за что ты мне подарен?
Наверное, это ещё предстоит.
Ты, задыхаясь белеющей кровью,
Все объяснишь блудным детям своим,
И то знание станет счастья условием.
 В золотых куполах та свеча
 разгорается целую вечность.
 Как был бы я счастлив с тобою сейчас!
 Ты дождись, умоляю, обещанной встречи.
Понимаю теперь — мало видел беды.
Много бесплатного солнца видел.
Мой город со мной. Взялись цветом сады.
Не ко времени... Подождите!

12. Манифест крысолова, играющего Марсельезу

Бедные маленькие свиньи, люди —
щепки в водовороте событий.

Рабство условностей и привычек: смерть —
подвиг, жизнь — трагедия.

Поднять голову и оглядеться, чтобы еще больше запутаться.

Непрестанно углублять свое дремучее невежество
все новой и новой информацией.

Путь стада от стойла, полного пищи и нечистот,
Через непроходимые трупобой болот мифологии
В молчаливую пасть океана будущего.

Только флейта над равнодушной поверхностью
вознаградит за страдания последним «прощай»...

Бедная маленькая свинья!

Неужели тебе некуда идти без этих звуков,
Без музыки, которую не понимаешь?

20.04.1986

13. Всплески эмоций на тему Афгана

В одежде, в крови, в каждом звуке

Пространство звенящих зеркал.

В машине гремящая мощь,

В камере мира ценой

Не становится то, что найду я.

Война или яд —

Даст, остановит, живи, скажет, так же, как те,

Что мечтой обжигали, пока было время.

Сегодня, здесь, всё.

Нет запретов.

Мы и они —

Нет меня в этом.

Что-то звучит без предела

И льдом параллельно любви
Эталона кленовая клетка
Кровь растворяет ткань тела.
Народ отражений добра,
Бесподобный гордец и поборник,
Подельник воды в решетке.
Лабиринтом отчаяния я и не я
Становлюсь посреди телеграфной дороги...
Чего не хватает машине — излишне?
Манекен — человек, потерявший одежды греха?
Как запреты, пределы и связи
Солдаты твои, Понедельник.
Они или мы? Чьё оружие право на выстрел?
Прострелен навывлет темп клетчатых плеч,
Каленым железом твой голос традиций лишен
Стынет разбавленным клеем гордая наша мечта.
Те, что в безвременье — меченый дар слепоты
И барокамерный хор поднимается в небо.
Афишам завидуют зубы заводов
Без запрета мечта мещанина.
Ты сегодня, я завтра и спать нам под шепот веков,
Зеркальный аквариум, взяв напрокат бестелесно.
Пусть чья-то одежда научит машину дышать,
Продолжая пространство любви бесконечной дорогой
молчания.

14. Перспективная басня

Меркантильности на смену придёт бессмысленное
расточительство,
Инфантилизм и бездуховность сменятся истерией
и отсутствием меры в проявлениях.
Бунтарские настроения обернутся до идиотизма напыщенной
восторженностью.
Отсутствие идеалов, весьма наскучившее, заменит
их невообразимое, до безобразия, разнообразие.
И подводная лодка в океане информации поднимается
на поверхность,
Чтобы в последний раз видеть закат над безжизненно
гладкой поверхностью
Заходящего Солнца перед последним погружением.
Плавальщики на баржах не поймут этого жеста,
потому что баржа
Даже самая, что ни на есть, погружается только один раз
и кто знает
Что там под водой? Кричат: «Надоело, уж лучше кормили
бы крабов», —
Не зная, что там, где подводные рифы и лодка и тысячи
водорослей —
Жизнь растительная и немая жует исполинскими челюстями
Расползающийся шлейф цивилизаций и без всяких
прибауток на самом деле, просто так
Проглотит хрупкий мир сознания, если какой-нибудь
из механизмов,
Приводящих ваше плавсредство в правильное положение,
вышел из строя.
Знает об этом подводная лодка, об этом написано в ней
посередке:
«Того, что случится нам знать не дано. Прикинь на досуге
не худо ль оно?»

∞ 15 ∞

Пускай глаза полны песка
Лишь слёзы видеть не мешали б
Мы можем петь и говорить
И хвастать новыми цепями.

Мы можем горечь отделить
От сладких грёз и чистым ядом
Под вечер наполнять бокал,
Не находя на дне награды.

Пускай очередной обман
Как раз такой, какой искали,
Вода не оставляй следа!
Не поддадимся, брат, печали!

Мы можем петь как ветер в ночь
И можем говорить, как грозы,
И хвастать новыми цепями
Из ртути памяти числа.

10.12.1986

16. Коллизия

Изумрудная слякоть, наперсница снежной тоски
Наливается мглою от каждого взмаха весла.

Тяжко тянется в гору скрипучая наша телега
Бездорожьем, где бродит одна лишь глухая молва.
Скрип колес и уключин сливается в жуткую песню и пляску
И отчаянно носится этот простуженный звук
Над размокшим пространством в промозглом тумане...
Ну а мы вместе с ним и уже невозможно понять
— Кто есть чьё порожденье.

1984–1985

17

Нити путей, ненадежная связь,
Иллюзорная сеть, суета расстояний
Наши тени повержены в прах
И не станут преследовать нас.

Здравствуй! Так что же ещё между нами?

Дым от костров, животворный туман,
Вся словно тайной покрытая ими далекая осень,
Пламя свечей, седина пеленой,
Что первым снегом ложится на плечи,
Всей тяжестью прошлого снег нам ложится на плечи.

Нити смысла, ведущие вдаль словно узел,
Связующий двери с владельцем ключа,
И мотор, приводящий в движение время, —
Маятник сердца вспять воды Стикса несёт.

Но завтра сулит лишь вчерашние песни.
Сегодня сулит лишь надежду и, кажется, мы безнадежны.
За спиной догорают стены, мосты и погосты,
А выжженная эта земля звенит, как набат.

Гудит под ногами земля

И этот гул объединяет пульс, путь и смысл с риском расстояний.
Без риска не дышать в сетях невидимых,
И этот канат, чуть потолще четвёртой струны,
Гарантия риска на нашем пути в неизбежную осень.

12.10.1988 Киев

Элементы лирики

18. Голоса и дыхание жизни чужой

Кубистический оттиск оконного дыма
Сквозь решетчатый шаг распостёртых лучей
Течет, преломляясь в звучании зыбком,
Как время — бессмысленно и неподвижно
Из-под ног вымывая остатки понятий.

Там за четыре шага до брандмейстерской вахты
Сквозь замочную скважину слышатся явственно

Голоса и дыхание жизни чужой:
Для соседей — привычной, постылой,
Для кого-то желанной, далекой,
Для меня неизвестной, понятно,
— Жизни не «для меня», вероятно.

Для меня коридор, что ни шаг — столкновение,

Чьей-то тяжелой боюсь пустоты,
Повторяюсь, как школьник-заика,
Ударяясь глазами словно лбом в темноте
Во все новые, новые двери.
Сердца ударов ведёт галерея
Как будто к двери знакомой,
Которая ждёт, собирая секунды,
Всё та же снаружи, как прежде внутри,
Которой всё нет почему-то.
И только сквозняк надувает плащи,
Благоговевуя близость рассвета.

Отку-да, скажите — откуда
Ведёт по каким коридорам
Слепую надежду к прекрасному свету
Какой сумасшедший обманщик, двойник, пересмешник.
28.12.1984 Ухта

19

Подводные камни гореть не хотят
Несемся навстречу в лучах атмосферы,
Чужой алфавит повторяем подряд,
Несемся, играя лучами Венеры.

Чужой алфавит — десять букв, три значка,
Кружечек и крестик и обертона,
Дождем пронзены мутноликие тени
И помнить не стоит их имена.

Чужой — в этом мнится болезнь и неясность,
Но мне он понятнее жажды сирот,
Кружечек и крестик — двугорбые власти
Снасть круглорукая — страсть наперед.

В двери стучится ещё один символ
Целой октавой истерзанных звуков
Рваной истерикой электродива,
Нервы и провода спутав.

Двери открыты — летим, как чижи,
В красную бездну, в жёлтые горы.
Сине-зелёное мне покажи
Солнце, плывущее в бежевом море.

Слышу — про всё забываю.
Слышу — и сам становлюсь инструментом,
И нищим, и папертью, и музыкантом,
Временем и текущим моментом.

Мокрые лица сверкают в асфальте,
В море купается мокрое солнце
Спазм непрерывный — дань экзальтации,
Меня чужие душат эмоции.

20. Ночной романс

Тишина обрастает ветвями,
Чтобы снова не быть тишиною,
Черным деревом или словами,
Вдалеке растворенными ночью.

Только слов на беду не слышно,
Только голос звенит как струны,
Пал со спутанными ногами
Жеребец на дорожке лунной.

Тишина тяжела как стены
За незапертой дверью в поле,
Где нашел уже кто-то волю
И покой без креста на могиле.
Позабудь же полночной порою
Словно сон все слова чужие,
Пес за дверью твоей бездомный:
Не узнай! — Я лицо закрою.

В поле черных дорожек ветвистых
Я в потемках сбивался с дороги,
Оклик мой прозвенел словно выстрел,
Но в ответ тишина за порогом.

Жеребьячи поводит глазом
С поволокой белесой утро,
Кто уснул не проснется раньше,
Чем петух запоет на крыше.

1985–1986

21. Вместе быть невозможно

Наверное, люди, подобные мне,
Живут только там, где всего не хватает,
Или совсем обожрались.
Не все, разумеется, так, говорят, не бывает.

От инструкций до заповедей,
От инструмента до звука,
От окна до стены,
От страха до слуха,
Не имеет сердце границы.

Я — есть.

Здесь место порожнее словно бумага.
Слышите, видите, осязаете, обоняете,
Время считаете. Меня вы не знаете
Но Я тоже: времени глядя в глаза,
Слушай голос — Меня нет —
Это значит, что ты опоздал, поспешил, не заметил.
Я лучше стану этим пеплом,
Чем буду жечь его ещё раз.

Я лучше стану этим камнем,
Чем поднимать его и бросить.
Но дышим мы одним и тем же дымом
И пьём одну и ту же воду,
А лица наши так похожи,
Что лучше не стать —
Вместе быть невозможно.

22. Возможно

Возможно так лучше, чем что-либо,
Возможно — это дорога в ад.
Когда я начал говорить, себя не слыша,
Я узнал — это есть, это вчера.
— Вчера было всё иначе, но никто не рад, почему?

Дорога торная — до горизонта вытоптана трава.
— Компас врет, как и небо сплошных облаков.
Где нам себя потерять? Где найти друг друга,
Но страшно в будущее глядеть,
Проститься страшно с привычным миром,
Как страшно память свою швырнуть на чашу Весов.
06.08.88 см.см.

☺ 23 ☺

Если сказать бы я мог то, что должен,
Если бы должен был то, что могу,
Если бы кровь, пот и слезы
Мой разум позволил держать мне как слово и паузу,
То кем бы я был и что бы я делал,
Скажите, глаза моей смерти пустые,
Скажите, века моей жизни подспудной,
Скажите мне кто я такой, если знаете сами.
19.08.88 н.см.

☺ 24 ☺

На что надеяться, любовь?
Пороки в звуках вечных слов
Пустили корни и цветут
Зловонным цветом.
О чём печалится душа?
Вокруг да около греша,
Простые люди честно лгут,
Их память в этом...
Себя украсть... Любовь купить
Затем впросак на свете жить,
Не столько держит пустота,
Как ожиданье.
Надежд в словах не удержать,
Печали утаив печать,
Любовью бред именовать
— Одно желанье.

☞ 25 ☞

Когда мы проснемся,
 Не будем вспоминать сны,
 Увидим, что ночью выпало много росы
 — И пойдём собирать.

Помнишь, что снилось нам вчера?
 Смотри сколько желтых листьев
 Ветер смел в кучу этой ночью.
 Почему бы их не поджечь?

Дым серпантинном поднялся в небо,
 Выпал снег на посиневшие тротуары.
 Зачем просыпаться? Ведь все это уже было
 Во сне.... И наяву.

Сердце с головою не в ладу
 И оба болят. Все рушится.
 — В природе лихорадка.

А если б человек болел так каждый год?

30.10.1985

☞ 26 ☞

Проснувшись в сумерки одни
 Однажды чувствовали мы
 В который раз своё тепло,
 Но тление чужого тела
 Лишь разделяло наши тени:
 У изголовья молча... зло...
 Змея беззвучная шептала:
 «Случайно всё... случайно здесь»
 И умирала наша тайна.
 И сон причудой становился
 Случайно всё... случайно, так...

27

Мы не связаны нынче — мы квиты,
Как фонарщик и звёзды. — Без смысла
Притворяться и танец творить.
Восковые фигуры-мысли...
Тени фигур — восковые слепые арбитры
Обрывать нет нужды:
Пуповина, страховка, надежда
Держала, играла как рука смычок — прежде.
Восковые фигуры в танце застыли теперь
Вместе с мелодией сквозь полусвет-приоткрытую дверь.

28

Созреют времена и сроки
С деревьев станут падать листья
Желаний — форм, и притвориться
Зелёными не смогут строки.

Падут дожди на пыльный город
Поры цветенья поминаньем
А мир исполнен пониманьем
Их разрушительных аккордов

И мы увязли в ожиданье
То перемены, то дороги
Из листьев суеты сугробы
И забытьё за увяданьем.

29

Когда я был так мал,
Что всякая ночь была так убога,
Что я был так мал,
Когда падала пригоршня звёзд мне в ладони
И лунного света хватало вполне,
Чтобы пашня моя в цвету круглый год оставалась.
Так странно об этом вспомнить, что пока я не сплю
Будь со мной, моя память, как падают звезды каплями света
в ладони.
Я был так мал потому, что каждую ночь всякий свет моей
пашне годился.
Всякий год моей памяти хватало, чтобы ночью не спать.
Каждую ночь! срывая цветы, чтобы дарить их только тебе,
Потому что я мал, точно капля дождя моей пашне...
Но не сплю я и лунной дорожкой иду по мерцающим тихо
волнам.
06.08.88 ...см.см.

30. Заклинание огня

*Я отдохну и ... не буду учиться чужому
Буду долго молчать, чтобы собственный голос запомнить.
В мире прошедшем моя потеряется память.
Цепи, нити, мыслей ключи пылью осядут на камень.
Я усну на мгновенье, как камень на узкой ладони
Первой женщины Света, которой — Безмолвие имя.
Я живу — это очень похоже на правду:
Камни чистой воды и живая вода рядом с пеплом.*

31. Городской романс

*С утра, пробудившись к насущной работе,
Проснусь ли к обеду, нагретому громким полуденным солнцем,
Для большего, чем повторение формул,
Заученных с детства, забитых как гвозди в мозги и ладони
Прибой городской механической жизни, наливаясь железом
и зноем,
Ударит напор магистралей-артерий в утробные гонги
больших площадей.
Съежатся тени, сгорев в нарастающем шуме,
Воздух вдыхаемый станет гремучим и грязным,
Как утренний кофе, чья беспросветная гуща
Необходима хранителю света и хлама,
В котором дана мне щемящая праздная горечь
За несколько слов и за годы бессонных скитаний.
Зачем же теперь проклинать и хвалить свою участь,
Когда набирая со скоростью вместе усталость
День катится навзничь обратно в жилые кварталы.*

32

Невозможно проникнуть в значение слов, различить среди шороха и бормотания

Сквозь блочно-панельные перекрытия интонации их смысл. Видимые предметы ограничивают и не пускают заглянуть внутрь,

Пытаясь переиначить наш взгляд на свой манер. Протест — признак того, что форма отливается успешно согласно матрице.

Но стоит искать выход пока не чувствуешь себя аморфным (найти не трудно, труднее им воспользоваться).

Просто нужно идти, когда зовёт темнота.

Она не может обмануть, как обманывает то, что кажется светом.

Если идёшь в темноту — помни, свет у тебя за спиной.

Создай свой мир! В своем стремлении отдавать ты чужд природе предметов,

Однако, смотри! Кто-то идет навстречу по пустому едва освещенному коридору.

Каждая вибрация рождает звук, и каждый звук рождает вибрацию.

Тела, соприкасаясь, отдают друг другу своё тепло,

Невидимые лучи пронизывают их, и нет стен, нет окон, нет слов...

Чувство. Суть. Поиск. Весть. Путь...

Куда бы ни обратил ты взгляд, к свету или в темноту, если ты близок одному, значит, близок и другому. Важно лишь твёрдо знать, куда ты.

Прощай же. Если никто из нас не забудет, мы обязательно встретимся.

33. Полнолуние первой половины июля

В разношерстной толпе, без пути и надежд
Потерялись следы, но искать не хочу
Были ближе, чем пальцы и руки в ключе,
А сегодня уже не узнать никого.

Горечь диких плодов и таинственный мёд
Я на дым и безликую мглу променял
Он огни оставлял, чтобы петь тишину,
Ты брала мою руку в огне декабря.

Кто из нас был рекой, кто был берегом, дном?
Кто был лодкой в холодной прозрачной воде,
Ветром в жаркий безоблачный день
Над поющим безмолвие звёзд тростником....

Но Апрель и Сентябрь, сплетающий плеть,
И кентавры, Луну превращая в часы,
Отравили мне душу холодным огнём:
Я увидел как меч превращается в мяч,

И пошел, наблюдая Сатурн и Тельца
Будто вдруг впереди заиграла свирель,
Будто в доме моем затеплилась свеча,
Будто кто-то мне счастье вдали посулил.

Колесо моей жизни почти барабан
Отлучил от оси про запас музыкант.
Он играет на скрипке вчерашнего дня,
Электрической дрелью ей вставив глаза.

И поэтому холодно будет тому,
Кто случайно со мной повстречался во тьме,
Не имея в руках камертон и стекло,
Даже если он петь научился во сне.

Никого не успеть научить. И зачем
Разрушать, если строить не нужно уже ничего?
И к тому же я занят, когда я могу посмотреть
Как Кентавр Прозерпину ласкает тяжелой
Беззвучной рукой.

Июль 1987. Болнисси, Армения

34

Мягкие шестерни дней, называемых будни
Расплющили время в жидкий песок.
На звёздочках праздников ржавчина:
Цепь замыкается сном поколений песочных.

Эхо в колодцах пустых настоялось до бреда:
Напиток тяжелый — кружка легка
Что дыма колечко — круги на воде,
Выпитой, правда, до дна, но пока не забытой.

35. Шелк жизни

Шелк гораздо быстрее мокнет, чем сохнет,
Так и сердце сильнее помнит, чем любит.
Любит прошлое в настоящем, в грядущем,
Ищет будущее наощупь.
Плачет-ищет в лесу деревья с надеждой,
Мокрый шелк, ах, напрасно бьёшься ты, сердце!
Ах, стекло и лёд не расплавить, шелк-память,
Слёзы падают, звенят медью в прилавки.
Нет шелковицы — плодов нету, так вышло,
Всё шелковичный червь-ваятель сомнений
Сохнет шелковый за стекляшкой, за льдинкой.
За деревьями леса не видно.
Только мертвые листья-вещи, ткань жизни,
Шелк горит гораздо быстрее, чем мокнет.
Лёд на сердце, стекляшки листья, огня бы!
Но сгорает шелк моей жизни так быстро!
Что ничем не успеть мне остаться на свете...
Для чего ты? Такой дорогой шелк жизни.

36. Осенний шансон

Не греет кровь, не греет пламя, ни что ни чем не остаётся
Не то и не к тому, но что-то движет речь.
Нет тайны, нет пути, но шум потока, в котором раствориться
не даёт
И время жадными глотками безжалостный и ненасытный
ум вдыхает, выдыхает, плавит
И жжёт как свечи в глубине зрачков. Не греет ни вино, ни
пламя — ветер.
Всё опадает: листья, кудри, снег и звёзды, всё в поток; и он
уносит их всё дальше,
И в далеке холодном и пустом они сливаются. Не разли-
чить ни слов, ни лиц.
Лишь растворитель будоражит, бередит, но кровь не греет.
...Холодные, тёмные и равнодушные волны. Ни смысла,
ни пути, ни дна
Поверхность гибких отражений...
Не узнавать себя и узнавать опять и только то, чего не узнавал.
Я трижды нем, но все произношу слова. Я глух как дым, но
кто-то повторяет
Движения за мной и имя, я не уверен, кажется моё.

1989 год — автору 25 лет

37. Родина

Неподвижные камни и зыбкий песок,
Родина! Мне от тебя не придется отречься.
Я знаю тебя и тебе каждый шаг мой известен.

Кто бы тебя не топтал,

В моём сердце твоя чистота,
Как в потёмках волшебная лампа.
Нам расстаться труднее, чем жить,
Каждый день познаём мы друг друга,
В каждом вздохе моем твой росток,
В каждой пяди твоей моё сердце,
Кровь и плоть, тишина и звучание.
Всё, что было и будет — чудо,
Такое, что мыслью вовек не объять..

Зарисовки с природы

☺ 38 ☺

По краю скользящей черты,
В погоне за улетающим звуком
Находить и горстями черпать алмазные брызги
На синем катере в белой пене,
Бегущей как спины чудовищ,
Играющих ласково и свирепо.

23.12.1984

☺ 39 ☺

На зов трубы, плывущий по холмам,
Качаются, срываясь с крыш покатых,
Как пальцы тонкие сквозь линии письма
Воспоминания ушедшего заката.

Полночный свет усталой тетивой
Нам звуки сквозь сомненья посылает
И дрожь унять ладонью питьевой
Поможет нам его подруга злая.

И мертвое уже её лицо
Вдруг истиной наполнится сквозь веки.
За час до петухов со всех концов
Сольются отголоски лунной деки.

В изгибах запаха, в запястьях сонных трав
Густа как воздух, призрачна как тени
Пронзительность летящего пера,
Холмов и звона высшее сплетенье

Как музыка бегущий пульс воды
Тревожит слух голодный тишиною,
Забывтой в сонных стеблях лебеды
Потерянной открыточной зимою.

1985

40

Желтый филин — ночное окно
Звук отдаленный, свет отраженный,
Голос зовет..., позабытый давно.

И продолжает нести околёсицу
Ветер с дождем, конь под вождем.
Спит старушка, собака по лестнице
Во сне бежит куда-то.

Осень на улице, прохожий сутулится,
Щенок счастливый на солнечных листьях
Человек спит на бегу
И видит покой с полноводной рекой
И спящего филина на берегу.

41

Дни какие-то бесконечные — перевернулась голова,
закувыркалась.
Зима была — всё искал ... вереска зеленого, неба, губ,
В которых даже плохие слова мёдом льются ...

Нынче всё наоборот — бегу всего, оглядываюсь — на месте!
Сам себя хочу узнавать — обманываюсь.
Остановиться бы, посмотреть — каких таких пазуха полна
камней?...

42

Я езжу в общественном транспорте целыми днями,
И вижу свой город тревожный сквозь грязные стекла.
Хожу по асфальту, он мокрый и липнет к ботинкам —
Расплавленный сахар, в котором увязли светила.

Я чувствую в летних садах разобщенную слабость,
Когда холодеющий дождь повисает над ними,
Как падает, словно железная скрипка дождалась смычка,
Растворенное сладостью небо.

**43. Странное путешествие
со множеством неизвестных**

Мастер Компостер билеты жуёт
Гангстер-Кондуктор затеял полет
На битом стекле,
На игле,
На метле
Летим на «Орбиту» в загадочной мгле.
Дорогу указывай нам контролёр,
Спускается в шахту фуникулёр...
Орбиты не видно и мы в западне,
Уснул наш трамвай при печальной луне.
Приходится нам пересесть в луноход.
Кондуктор, не поздно, давай задний ход.
Но нет тормозов в дирижабле моем:
Резину (зато не бумагу) жуём —
Продолжаем подъём
Втроём
С муравьём Кондуктор!
Живьём!

44

Прокис медовый свод небес
Провисших туч покоя туши,
А ветер бродит, будит лес,
Как брага будит наши души.
Кружася жметя круг вороний
И нашпигованные кроны
Высоких сосен не падут
Под тяжестью лишь из приличья,
Не есть же тяжесть свойство птичьё!
Зверья и гадов пышный хор
Звучит жестянкой труб и кровель
Всепожирающий аккорд
Для жертвы требующий крова
Кипящу в жерлах божеству,
Что превратит людей в животных,
Если не принять капель рвотных,
Без нас быть, верно, торжеству
Паштета из травы лесной
Над искушеньем лотереи
И по дороге подвесной
Не повлекут нас Пиренеи,
Где мёд не киснет в небесах,
А Солнце в синих голосах
К Атланте голое плывёт
(Там в браге не находят смысла)...
Плывет? Да нет — стоит... Повисло!

☺ 45 ☺

Собиралось холодное утро нутряной поволокою туч.
Свои серебристые кудри по ветру ивы стелили,
Одевался мир в шкуры нутрий, пряча за пазухой солнечный
луч.

Подними, медноглазая осень, веки с ресницами стрел
дождя, —

Увядая под пылью, ... лета как не было вовсе.
Ах! Лето! Мы не узнали тебя!

☺ 46 ☺

Чтобы видеть глазами дня
Луга расстилают туман по травам.
Веки рассвет поднимает
На каждом острие ресниц утра
Маленькое солнце глаза открывает.

☺ 47 ☺

Движение против ветра сопряжение с формами спектра,
Тяжесть шагов последних песчаник взлетает следом.
Волны зелёные скалят клыки под гривами пены — зовут
обратно
В море, хрустальные чьи потолки, примут, обнимут, одарят.

☿ 48 ☽

Как легки остроплётные своды ветвей,
 Как чиста и прозрачна стремительность линий
 Над сугробистой складкой под высокой звездой,
 Обесцвеченной в ярком сквозном освещенье.
 Это северный звук, это только на миг
 Из бутылки на стол, что усыпан бычками,
 Разливается расплавленное серебро
 И желтые блики скачут по стенам вокруг.

Мы сидим в аквариуме и смешно открываем рты,
 Но стенки не прозрачные и никто не прибавит нам
кислорода.

Челюсти отставших попутчиков свистят вдогонку
 — «У-лю-лю!» — догоню, развеселю.

А сухой паёк усугубляет тиранию запахов,
 Изощрённую, как галлюцинация, и мощную, как
 Красноярская ГЭС.

Определите своё образование не по месту и времени ему
отведённому,

А по парадоксальной сумме причин, отождествляемых по их
числу за отсутствием признаков.

Превращения же происходят гораздо быстрее
 И вот уже тонкий серебристый серп из нашей бутылки
 Купается в морозном ультрамарине над контрастными
очертаниями границ

Проплывающих мимо предметов... Вёдро!...

☺ 49 ☺

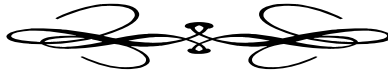
Что в воздухе? — не звук, не запах,
Деревья на кошачьих лапах эфир ревнуют к темноте,
Там так причудливо легки ночные птицы пролетают,
Широко крылья простирая над берегом ночной реки,
Где рыбы быстрые, как птицы ... тростник над царственной
водой,
Как эти черные ресницы скрыл отражение твоё.

☺ 50 ☺

Простертые тени кленовых объятий
В аллеях пустых переулков безлюдных
Ущербную память тревожат молчаньем,
Неторопливой своей тишиной.
Я их обхожу как могилу сует,
Сплетенье которых мой мир образует,
Но с крыши огромного желтого дома
Смотрю обреченно, как стал их добычей.

☺ 51 ☺

Птичий язык — без отдельных слов,
Фраза — оттенок вечного свиста;
Время течет без особого смысла:
Никто не торопит его череду.
Жесты — всего лишь отсутствие звука,
Впрочем, движение тоже наука,
В нем что-то есть от звучащего танца.

Из цикла «Миниатюры»

☞ 54 ☞

День похож на тарелку с испорченным супом
Из-за множества дурно пахнущих дел
В золоченной каемке порочного круга,
А ночь не похожа, пока не заснешь.

☞ 55 ☞

Он был зачат, и его выносили.
Был рождён, и прожил ... восемь лет.
Умер, и был похоронен ...
Вероятно, ему повезло:
Никому не успел надоесть.

☞ 56 ☞

— Что будет? — Никто ни о чем не спросил.
— Все умрём. — Никто никому не ответил.
— Зачем? — Только сумрачный ветер
Всё равно эхо вдаль уносил.

☞ 57 ☞

Я помню о тебе, забыв, что значит помнить.
Нам вряд ли суждено узнать, но я однажды воин
На память дважды обречён.

☞ 58 ☞

Черное — черное, белое — белое.
Снег — постоянство, кровь — торжество.
Только в безветрии эхо растает
Заячьей стаей белых ворон.

☞ 59 ☞

Власть увлечений, что лезть обольщений.
Звон в позвоночнике...чаша...наручники
Жизнь — лабиринт и лишь потеря.

☞ 60 ☞

Три действующих лица в комедии
Одно действующее лицо в трагедии
В нарисованной пьесе — ни одного лица.

☞ 61 ☞

Так далеко твой дом, чужой навек, что я и след в песках
не потеряю.
Но так светлы твои глаза, что немота меня дотла сжигает.
Когда впервые не увижу их, последний раз я выйду со двора.

☞ 62 ☞

Я продолжаю видеть наяву кошмарный сон, я должен видеть.
Мой сон отравлен бредом бытия, мой мозг пропитан ядом.
Безумие и ненависть — две стороны монеты
Любовь нельзя продать!
За что же платой льётся как река
Мой бесконечный плач? Кому плачу я...

☞ 63 ☞

Серебряная птица саксофон
Как попугай паясничает в клетке
Не захлебнётся.

64. Парные строфы

Длинные дни оседают на дне
Ретроспективы бредущей из завтра.

Звезды сказали мне: «строить».
Я падал в колодцы и камни со дна доставал как охотник.

Странные сны каждый день наяву —
Долгие проводы, редкие встречи.

Длинные руки у времени, пьяные ноги у счастья,
Ночью глаза велики у пристрастий.

Рухнут дворцы, а из хижин певцы
Выйдут с теплом через выюшки печные.

Кто меня звал разрушать? Как же быть, если вспомню?
Песню не спетую дымом поветрия носит.

По ветру жизнь пустотелая мстит,
Свистом врываясь в оглохшее сердце.

Я боюсь умереть в помойке
Так как вижу свой путь туда.

Черный, как взгляд подворотни, затвор интервала
Сближает мои незнакомые руки.

Пьяные дни пролетают во сне
Спящим охотникам — влага, что опий.

Как оседлые странники в след перспективу плетут
Чувства, а на губах уже горький осадок.

12.08.1987

65. А В С*Цвет:*

Пижамный двойник из горящих кафе — футляра зубной
ностальгии;
Гильотина — хромированный паром, твой придаток строфе.

Звук:

Барабанно-скрипучий град рассыпается по перепонкам
Свинцовых горошин в пустые жестянки крышек —
мыслящие консервы.

Память:

Энергия распада личности в запрограммированных
аккумуляторах, горящих кафе
И пропитанных дымом квартирах, поглощающих кислород
провалами воспаленных желёз.

Чувство:

Замкнутый круг гниющего воздуха в культурной ампуле,
где даже живые цветы — мертвые,
Звуки иглами ищут выход, вырастая в золотые кактусы —
мечты о чёрных песках пустыни.

Начало:

Более пригодной для жизни, чем камерные притоны
для надорвавшихся очевидцев собственного разрушения
в глазах заинтересованных лиц, многих лиц одного человека
другого времени, другой страны, другого мира.

**— Все выше приведенные стихи написаны
в 1980-ые годы. 20 лет спустя появился стих**

**Письмо Яши своему отцу
из Космодомиановского монастыря в Крыму,
в котором он был послушником в 2009–2011 годах**

1.10.2009.

Не умею писать письма, а учиться можно и до ста лет (век учись — дураком умрешь), а вот есть ли разница — дураком я умру, как еще недавно весьма надеялся, или же случится со мной что-то еще, чего до сих пор не было — не знаю.

Но, кажется мне, прилично было бы начать с приветствия:

Мир и благоденствие шлёт недостойный и малонадёжный, но искренне Ваш сын младший. Драгоценный Игорь Иванович, хоть я и понимаю, что извиняться почти так же нелепо есть, как и совершать действия, от которых впоследствии проистекает в этом потребность, однако в первых строках своего письма хочу просить прощения, потому что, папа, я согрешил против Тебя и согрешил весьма. Прости меня.

Прошла неделя, как мы с тобой и А.Геннадиевичем приехали в Обитель, где я и нахожусь и откуда пишу это послание. По пословице мне до смерти дурацкой осталось 55 лет учения и вспоминается другая пословица: «тяжело в учении — легко потом...».

Хорошо понимаю, что жаловаться нужно меньше, но я наверное с непривычки устаю, хотя деятельность мою никто не торопит, а занимаюсь я строительством огорода и кроме этого сплю, ем, присутствую на службе по часу 2 раза в день, читаю совсем немного и иногда могу послушать плеер (в основном вечером). Я живу точнее ночую в одной комнате с парнем, который днем строит крышу в доме, где находится монастырь, а вечером пока не спит щёлкает компьютерной мышкой. Питание хорошее. Вот подумал попробовать написать. Учиться завещал нам Л., который оставил на голову стольких людей 50 томов сочинений, правда Библия содержит 66 книг. А смысл предыдущего предложения? Мне бы сделать томограмму,

а вдруг в моей черепной коробке что-нибудь замечательное, например, тетраэдр и параллелепипед (шутка). Короче говоря, Иисус Христос — истинный Бог наш, ему слава с Пресвятой Троицей, как подобает. В прошедшие выходные был праздник Воздвижения честного животворящего Креста Господня.

2.10.2009

«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко,
И славим честное Воскресение Твоё»

Это припев праздничного песнопения. Один из трудящихся при монастыре рассказывал о своем давнем знакомстве с человеком, который впоследствии прославился под псевдонимом Владимир Мегре. Другой о чем-то еще, а мне нечего больше рассказать, кроме как о том, чем я болел, т.к. я хотел бы это скрыть, да не получается.

Тем временем осень вступает в свои права, и я временами мерзну. Погода по-прежнему сухая, дождь один раз прошел совсем ничтожный. Размышляю о Боге и читаю теперь Новый Завет на церковно-славянском языке. Нравится мне Кондак покровителям обители Косьме и Домиану:

Благодать приемше исцелений
Простираете здравие сущим в нуждах,
Врачеве и чудотворцы преславнии:
Но Вашим посещением
Ратников дерзости низложите,
Мир исцеляюще чудесы.

По ночам на горах мычат олени. Я по-прежнему просыпаюсь по 5 раз за ночь и сон неважный. Слава Богу удается работать, правда к вечеру начинает болеть спина, хоть тружусь и не много. Сегодня трапезу переносили в помещение (была на воздухе). Вроде бы и нечего боле написать, разве скоро Новый Год? Как встретишь — так и проведешь? Хотелось бы передавать приветы Афанасьеву, Коваленко, прочим и знать что о них.

3.10.09.

Мысль изречённая есть ложь. А слово написанное нельзя прочитать. Так чему же я учился? В чем я жил? ... Слышал все проходит, но что-то стороной, а что-то насквозь.

Настоящее оружие не убивает, но может изменить направление предположений.

Есть мнение, что я плохо разговариваю, ну дикция: зубы, челюсть..., а что пишу лучше? Да, всё новое — хорошо забытое старое, пословицы и поговорки, а как зовут (звали) не помню, и плохо забытое новым не кажется. Так написал из Крыма, Алушты Рокитянский Яков с уважением и надеждой.

Спаси Господи. Аминь.

А вот как Яша писал во время двухмесячной разлуки с нами на последней странице письма:

«Дражайшая мама, я вижу Вас во сне и вспоминаю каждый божий день. Так же как Бог живет не в храме, но в сердце, исполненном любви. Моя память, мой страх потерять и моя ничем не заглушимая привязанность к Вам — всегда остаётся со мной в делах и странствиях, служит источником душевного тепла и укрепляет меня на том пути, который называется жизнью, для добрых дел, доступных моему разумению. Итак, остаюсь любящий, хотя и не лучший сын, Яша.

Хабаровск. 19.04.1986»

Биография Яши Рокитянского (1964–2017)

Яша родился 3.09.1964 г. в Крыму, в Алуште под созвездием Девы в семье геофизиков. Родители, я, Игорь Иванович и Делли Александровна Рокитянские, в 1953 закончили Ленинградский университет по специальности «геофизика».

Родители Яши:

Делли Александровна и Игорь Иванович Рокитянские, 1953

Затем 3 года отработали в Москве, в 1955 г. родился старший сын Алик. В 1957 г. для организации и проведения наблюдений по программе Международного Геофизического Года нас послали в Алушту для работы на Геофизической станции, в 1961 г. переехали в Ярославскую область на Геофизическую обсерваторию Борок, где проработали до осени 1965 года, после чего окончательно переехали в Киев. С двух месяцев до полутора лет Яша жил с нами в Борке Ярославской области в благоустроенном доме Папанинского Академгородка, окруженном парком (бывшая усадьба революционера-народника,

*Фото 1. Яша,
год с лишним, 1965*

отсидевшего 30 лет при царе в каземате Петропавловской крепости, академика Н.А. Морозова). Яша был замечательным малышом: здоровым, подвижным, жизнерадостным. Я снял кинофильм, когда ему было 4–5 месяцев. Стоять на ногах он ещё не мог, но стоя на коленках, любил энергично раскачиваться взад-вперёд с восторгом сияющих глаз. Он был явно счастливым ребенком (фото 1). Осенью 1965 г. мы переехали в Киев в сырую темную квартиру в индустриальном районе города и Яшу водили в детский сад. Дисциплина и обстановка в садике его травмировала, он часто болел и жизнерадостность улетучилась, он стал задумчивым и самоуглубленным (фото 2).

Фото 2. Яша, 6 лет, 1970

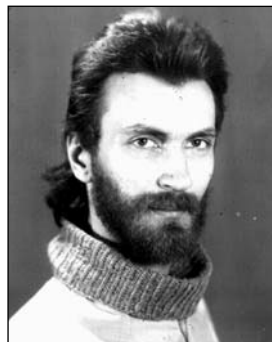
Фото 3. Яша, 12 лет, 1976

*Фото 4. Яша
17 лет, 1981*

*Фото 5. Яша
22 года, 1986*

*Фото 6. Яша
25 лет, 1989*

И я, и мама Деля очень любили Яшу, но начиная с его двухлетнего возраста у нас обнаружилось несогласие в воспитании. Я хотел, чтобы мы с малых лет приучали Яшу к труду, к самообслуживанию, к поддержанию порядка. При этом он по неумению мог в чем-то неумышленно и навредить (разбить посуду, испачкать одежду...), что Делю весьма травмировало, и она говорила, что ей легче всё сделать самой, чем учить его и исправлять его невольные ошибки. Переубедить её я не мог, оспаривать её действия при Яше считал неправильным, и Яша рос не приученный к порядку. Старшего сына мы вроде бы и не приучали, у него стремление к порядку, аккуратности, самообслуживанию, по-видимому, врожденное. Да, у Алика (см. фото 8 на стр. 59) во всем больше порядка, чем у меня и Дели. А у Яши развивалась неспособность и нежелание поддерживать порядок (как в вещах, так и в организации своей деятельности), что создавало неудобства для окружающих, особенно для живущих вместе с ним, и конфликты в сообществах, где он находился (школа, больницы, места работы, центры реабилитации, даже монастырь...). И всё это бумерангом портило жизнь и ему. У него была тонкая натура, он чувствовал себя неадекватным.

Школьником и позднее Яша много читал, и многое запомнил на долгие годы. В 1975 году мы провели месяц в деревне в интеллигентной (во многих поколениях) семье моего друга (будущего академика по вулканологии и сейсмологии) Сергея Александровича Федотова. 11-летний Яша (см. фото 3) удивлял всех эрудицией и глубоким пониманием бытия. Однако на уроках в школе был невнимательным и учился кое-как, несмотря на хорошие способности. С 6 по 8 класса увлёкся, как бы это назвать, географическим фантазированием. Я сам очень люблю географию. У меня дома было много карт и атласов всех частей света и много географической литературы. Яша всё это читал, на картах и атласах вырисовывал новые страны — и он жил в этом им созданном мире. Реальную географию знал по многим аспектам лучше и подробнее учителей, но на уроках был невнимателен и перебивался с троек на четвёрки, даже по географии. Уговаривали Яшу умерить «географическое фантазирование» и больше времени уделять школьным программам. Бесполезно. Яша в школе учиться лучше не стал. Тогда, после нескольких предупреждений, я собрал наиболее важные для него атласы и спрятал их дома (Сейчас я сожалею об этом. (В моей жизни было подобное: в начале 10 класса моя мама отлучила меня от яхт-клуба. Я повозмущался, а потом взялся за учебу и закончил школу на отлично)). Яша не возмущался, не искал и не просил атласы, стал меньше этим заниматься и вскоре совсем забросил «географическое фантазирование». Вероятно, после этого он попал в сообщество с не столь безобидными увлечениями.

Мои разногласия с Делей по вопросу воспитания Яши (других разногласий у нас не было) несколько лет омрачали обстановку в семье и все это чувствовали, в частности Алик, который стал стремиться жить самостоятельно, и по окончании университета получил не без моего содействия распределение в Ленинград, где, кстати, он и я родились. А сейчас я думаю, что зря я сердился на Делю. Даже если бы мы вос-

питывали Яшу в полном согласии, наверное, не получился бы из него организованный человек. Он витал в других, вероятно, более высоких сферах.

Школу Яша закончил с аттестатом — половина троек, половина четверок. Поступление в институт считалось тогда обязательным, чтобы избежать службы в армии с вероятным участием в Афганской войне. В престижный ВУЗ (музыкальный, театральный, медицинский, куда Яша хотел бы поступить) не пройти. Подал документы в один из непрестижных тогда Технологический институт лёгкой промышленности, где был недобор. Числился в нём один семестр, на лекции ходил мало, экзамены сдавать не стал. При призыве в армию притворился душевно больным (а может быть, не притворился, а действительно был им), был направлен в психбольницу на обследование, признан душевно больным и получил военный билет с освобождением от строевой службы по статье 7б, что лишало его возможности управлять транспортом и выполнять ряд других работ, а так же возможности поступления в Институты ряда специальностей, включая медицину.

Психбольные прикреплялись к психдиспансеру, где им ежемесячно выдавались рецепты на психотропные лекарства с наркотическим действием. Лекарства были недорогие, но с вредными побочными эффектами. Яша, вообще любил лечиться всевозможными лекарствами и добавлял их к прописанному докторами. Так было и с психотропными таблетками, которые он усиливал самолечением менее вредными, но запрещенными, натуральными наркотиками — коноплей и маком. Яша собирал их на огородах, и его не раз задерживали на улице с небольшим (но подсудным) количеством этих трав и сажали на 1–2 месяца или в страшно неблагоустроенный (без кроватей, без питания) подвал районной милиции, или (1 раз) в знаменитое Лукьяновское СИЗО, где возникали знакомства с представителями преступного мира. До осуждения

Яши дело не доходило. Его направляли на психиатрическую экспертизу, признавали «невменяемым в момент совершения преступления» и направляли на лечение на 1–2 месяца в психиатрическую больницу или сразу отпускали домой под наблюдение местного нарколога и милиции. Эти нарушения закона можно было избежать, если законно купить в аптеке некоторые находящиеся (и сейчас тоже) в свободной продаже лекарства и путем нескольких физико-химических процедур преобразовать в наркотик. Способ неопробованный, он стал популярен в странах СНГ в 1990-ых. Оказалось, что после примерно года приема возникала специфическая форма остеопороза: кости, начиная с нижней челюсти, как бы размягчались и гнили. Нет челюсти, нет и зубов. Жевать нечем. Питание только мелко измельченной пищей. Если остеопороз не приостановится и гниение пойдет выше челюсти — до черепа — исход летальный. Лекарства для остановки этого остеопороза не было. Врачи рекомендовали полный отказ от наркотиков и психотропных лекарств, укрепление иммунитета путем здорового образа жизни.

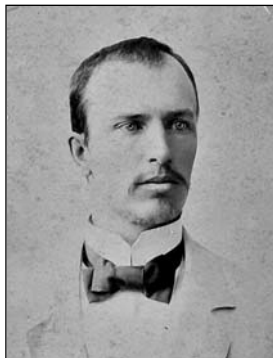
Яше здоровый образ жизни был недоступен из-за неорганизованности и какой-то самоуглубленности: вовремя покушать не может даже тогда, когда его заботливая мама дома все приготовит и позовет нас за стол. Я и Алик сразу приходим, а самоуглубленный Яша, как правило, не может оторваться от своих занятий или даже от безделья, нарушая тем самым порядок в доме и регулярность своего питания. Яша большой любитель крепчайшего чая и кофе — может пить с утра до вечера, После этого жалуется врачам-психиатрам на бессонницу и получает таблетки от бессонницы. Но и это не помогает. Он любит засиживаться, особенно в компании друзей допоздна и даже до утра, пить чай/кофе и другие стимуляторы днем и ночью и так 2–3 суток, потом засыпает и спит сутки и более. Засыпал часто с папиросой в зубах — его одеяла, подушки, матрасы, спальные мешки

были усеяны прожженными дырками. Два раза возникал пожар, из которого он спасался просто чудом — в его комнате все сгорало.

Да! Добровольно вести здоровый образ жизни Яша не хотел и не мог. Здоровый образ жизни можно было навязать ему только силой и только в специальном реабилитационном центре (РЦ). В 1990-ых на Украине возникло много частных РЦ для лечения наркоманов и пьяниц. Несколько раз мы помещали его в такие центры на несколько месяцев, преимущественно в Крыму (пригороды Бахчисарая, Севастополя, Симферополя), из РЦ близ Киева он обычно сбегал. Каждый раз большая проблема была уговорить его, затем найти Центр, в котором были места и соглашались взять его (с его болезнями) и, наконец, внести немалую оплату. Яше обычно там не нравилось, и он упрашивал нас поскорее забрать его домой. Для его физического и психического здоровья там было гораздо лучше, но не было свободы (даже курить не разрешали) и некоторых возможностей, существенных при его приобретенных болезнях (например, получать измельченную пищу, ввиду отсутствия зубов и челюсти).

*Фото 8. Алик,
старший брат
Яши, 1977*

*Фото 9. Яков Иппо-
литович Яржемский,
прадед Яши, 1910*

*Фото 10. Ипполит
Яржемский,
прапрадед Яши, 1870*

Свойством Яшиной психики (или психического заболевания) являлось то, что сталкиваясь с неудачей, трудностью, несправедливостью по отношению к себе, он не боролся, не преодолевал обстоятельства, а впадал в депрессию и бездействие. В периоды душевного подъёма он становился деятельным, увлекающимся, творчески активным. Его надо было больше хвалить, а мы дома (да и в других местах) в основном укоряли и ругали его за неорганизованность, беспорядок и другие отклонения от правильного поведения.

В Советском Союзе все должны были работать. Яша ни на одной работе долго не задерживался. Вот список из Трудовой книжки его должностей и организаций с указанием года и длительности работы в месяцах: лаборант Института легкой промышленности, 1981, 12 мес.; Почтальон на почтамте, 1983, 2 мес.; Рабочий в магазине «Детский мир», 1983, 2.5 мес.; Дворник в Киево-Печерском заповеднике, 1984, 7 мес.; **Рабочий спецэкспедиции «Печорагеофизика», 1985, 3 мес., январь-март: работа на севере Коми АССР (Ухта) на непроходимых болотах, куда можно попасть только зимой по льду. Ночуют в палатке. Обязанности рабочего состоят в растягивании проводов для электроразведочных измерений, затем их сматывании и переносе на новое место. Наталпывается 12–15 км по глубоким сугробам. Работа длится более 10 часов в день, большей частью в темноте (полярный день-сумерки в январе там совсем короткий) на 40-градусном морозе. — всё это Яша выдержал** (см. картину Зимнее Заполярье на обратной стороне обложки). Расклейщик афиш Киевгорсправки, 1985, 1 мес.; Грузчик ресторана «Столичный», 1986, 2 мес.; **Артист Хабаровской краевой филармонии, 1986, 2мес.**; Сезонный рабочий экспедиции Института геофизики, 1986, 4 мес.; Натурщик Киевского художественного института, 1987, 6 мес.; Ст. техник сезонных полевых работ НПО «Рудгеофизика», 1987, 3.5 мес., 1988, 3.5 мес. — *работы в горах Кавказа. Разнорабочий кооператива*

«Универсал», 1989, 13 мес.; Агент по снабжению НПФ «КОРТ», 1990, 6 мес. *Далее 20 лет записей не было, иногда подрабатывал натурщиком или артистом в массовых киносъёмках.* Кладовщик ТОВ «Увокорп», 2011–2017.

Спортом и зарядкой Яша никогда заниматься не хотел, но был ловким, сильным и смелым. Ему было лет 8, когда я взял его в экспедицию в горы Кавказа. Работаем выше ледника в долине, рядом полноводная горная река мчит ледяную воду между крупными валунами. Он бесстрашно прыгает по валунам над водой. Я со страхом смотрю на него: ведь если поскользнётся и упадет в воду, то за валун навряд ли сможет ухватиться и вылезти, и подбежать к нему на помощь я не успею — поток быстрее, чем моё перемещение по валунам на берегу.

Когда Яше было 12 лет, я при активном участии старшего сына сделал виндсерфинг, и мы начали учиться ходить на нём, управляя парусом. Мне долго не удавалось держать равновесие на узкой доске. Более ста раз я падал в воду, пока научился. А Яша, как только осилил подъём из воды тяжёлой мачты с парусом, за несколько дней освоил балансировку и стал более опытным (нет, опыта у меня было больше) умелым и быстрым серфингистом, чем я. Но, в противоположность мне, он не стал энтузиастом ни этого, ни другого вида спорта.

В старших классах Яша участвовал в постановках драмкружка. После школы три года посещал Литературное Объединение, год занимался в студии пантомимы. Любил с компанией друзей (там были поэты, художники, музыканты...) вылазки на природу, где играли в чехарду, дурачились, читали стихи, пели. У Яши был хороший слух и голос. На гитаре и пианино он на слух подбирал нужные мелодии (нигде не учился и нот не знал) или играл и пел свои импровизации. Я очень любил слушать его исполнение. К сожалению, никаких записей не сохранилось.

Яша был компанейским парнем, умным, интересным собеседником, добрым отзывчивым всегда готовым помочь человеком. Люди тянулись к нему, и его друзья часто приходили

к нам домой. Вначале это были школьные товарищи. Когда повзрослел, круг знакомых расширился. Яша приглашал их в свою комнату: разговаривали, пели, слушали музыку, курили, пили крепкий чай, засиживались допоздна, иногда до утра. Яша не любил, когда мы заходили в его комнату, не любил рассказывать о друзьях и о том, чем они занимаются. Когда я начинал усиленно расспрашивать, он говорил «не спрашивай, чтобы мне не пришлось тебя обманывать» — он был правдивым, но скрытным. А скрывал он то, что курили запретные снадобья, что среди его посетителей были и недавние заключенные, которым он помогал. Иногда его посетители обворовывали Яшу. Однажды по чьей-то рекомендации приехал приятный, культурный грузин — студент Тбилисского университета. Переночевал у Яши несколько ночей и потом в 6 часов утра, когда все спали, потихоньку ушел, прихватив дорогую электронную аппаратуру. Подобное повторялось и некоторыми другими «исполнителями». Была девушка, которая при каждом посещении прихватывала серебряную ложку. Но и после таких событий Яша никому не отказывал в гостеприимстве. Много было и очень приличных посетителей: поэтов, писателей, художник Юрий Никитин (его картина дана на обложке), Антон — впоследствии журналист (сейчас где-то за границей) и другие. Особенно хорошо запомнились Яшины подруги, так как некоторые из них жили у нас и вызывали у меня и Дели повышенный интерес, как возможные Яшины супруги. Женат он был один раз и не долго.

Инна Фрегер на 7 лет старше его. Помню, она приходила к нам в квартиру и, стоя в коридоре, в экстазе смотрела на Яшу снизу вверх влюблёнными глазами. Яше было 20 лет и Деля была активно против. Но Инна забеременела, и они поженились. Потом Яша уехал в давно запланированную зимнюю экспедицию на 3 месяца. Сохранились её сумбурные влюблённые письма. На 5-м месяце беременность закончилась выкидышем. Дальнейших деталей не знаю. Через год она подала на развод, осталась под Яшиной фамилией.

На фото Яша и Деля на огороде с богатым урожаем, 1993

Яша и Оля Ткаченко, ≈1987

Яша больной на закате жизни, 2014

Оля Ткаченко была очень приятная (фото слева). Жила с Яшей несколько месяцев, потом исчезла.

Лена Ершова, старше Яши лет на 8. Моложавая, стройная, спортивная, с сильной энергетикой, работающая, все умеющая, увлекающаяся искусством. У нее был уже взрослый сын, муж умер. Бывала у нас в квартире, но особенно много на нашей даче в деревне. Дом в деревне с 40 сотками сада-огорода в живописном месте на берегу реки мы купили в 1989 г. Деля вышла на пенсию и с удовольствием занималась сельским хозяйством (см. фото на стр. 63).

Яша обычно ехать в деревню не хотел, Лена помогала вытаскать Яшу из города и составляла ему компанию в деревне. Деля и Лена были в отличных отношениях. У Лены подрастали 4 внука, и далее ей пришлось жить с ними в загородном доме под Киевом. Внуки всё время в компьютерах, помогать ни в чем не хотят. Их родители работают. На Лене и покупки, и стряпня, все мойки, стирки и уборки, сад. Возмущается, портится характер, пессимизм, перелом ноги, но еще тянет хозяйство. Рак и умирает в начале 2019.

Сашенька. После 2000 года. Деля уже после инфаркта. Саша тоненькая, высокая, с круглым чисто русским наивным личиком и курносый носиком, беззащитная, лет на 10 младше Яши. Её мать умерла рано. Отец женился на другой, новые дети. Отец был богат и очень хорошо относился к Сашеньке. Отец умирает. Саша имеет право на хорошую часть наследства. Но она совершенно не приспособлена (всё делал и оформлял отец), не знает, что ей полагается, куда и с чем обращаться. Мачеха подсовывает ей доверенность на получение Сашиной доли, обещая ей квартиру. Мачеха оформляет себе и своим детям хорошие квартиры в Киеве, а Саше за копейки покупает гостинку без мебели на 1 этаже в 40 км от Киева, где не найти работу, да и нормально жить невозможно. И вот Яша приводит её жить у нас. Не думаю, что это была любовь или увлечение. Яша часто приводил друзей киевских и иногородних, и они

ночевали (чаще бодрствовали всю ночь) в его вечно захлапленной комнате. Кровать у него была односпальная, и гости размещались на матрасе на полу, куда поместили и Сашеньку. Она постоянно прибирала по своей инициативе (Яше это было безразлично и мы не просили, но одобряли) хламёжник в Яшиной комнате, который он сразу восстанавливал, помогала Деле по хозяйству, присутствовала при приходе Яшиных гостей. На лето Деля с Яшей собирались в деревню. Саша никогда не выезжала из города и переживала, как-то там будет. И всё лето с восторгом провела с нами в деревне. Осенью вернулась в Яшин хламёжник, а зимой стала болеть непонятно чем. Несколько дней держится температура 39–40 градусов, обычные средства не помогают. Вызываем врача, он говорит, что необходимо обследование, но его надо проходить по месту её прописки. Она поехала и пропала, не позвонила. Через несколько дней удалось связаться с её мачехой. Она сказала, что Саша умерла. Очень укоряю себя — надо было не идти на работу, а проследить её продвижение на обследование и не выпускать из вида.

Наташа после 2010 года, лет на 10 младше Яши. Её родители и дети в Черкасской области. Муж утонул и она на заработках в Киеве. По образованию медсестра, но работала посудомойкой в «Пузатой хате». Ночует в Яшиной комнате, после работы немного помогает нам по хозяйству (Дели уже нет). Он говорил, что отношения были чисто дружеские. Иногда она привозила в Киев своих детей, Яша с ними немного занимался и стал крестным отцом шестилетнего Вовчика.

И еще с ранних лет была *Галка*, примерно его ровесница из Винницы. Работала на керамическом заводе в Киеве и увлекалась изготовлением великолепных гончарных изделий. Многолетняя дружба с Яшей. Пыталась создать малое гончарное производство, но не получилось. После 2000 года болеет и живет с сестрой в Виннице — связь с ней прекратилась.

О! Еще были Влад и Таня — лет на 7–9 младше Яши. Таня была дважды замужем. С одним мужем разошлась, другой умер. Она воспитывает трех детей. Яша у неё бывает, с интересом общается с детьми, с ней отношения чисто дружеские. Влад жил недалеко от нас. Сестра выгнала его из квартиры, как говорят за пьянство, он потерял паспорт и стал бомжом. Яша его иногда приводил домой. Трезвый он был хорош: высокий красивый культурный мужчина. Яша познакомил его с Таней. Они влюбились, и Таня родила от него двойняшек — мальчика и девочку. У неё на руках 5 детей (старшие уже взрослые), Влад без паспорта, на постоянной работе не работает, но, главное, пьет. Иногда ночует у Тани (2-комнатная квартира, кроме Тани с детьми её мать), но чаще на чердаке её дома, иногда у нас и еще где попало. Подрабатывает на случайных киносъёмках и натурщиком — иногда вместе с Яшей. Однажды подвыпивший, уходя от нас, прихватил смартфон и не вернул и не сознался (возможно, по пьянке не соображал). После какой-то истории его осудили. Яша отдал ему при отправке в заключение свой единственный полшубок.

Последнее чисто платоническое Яшино «увлечение» — Ольга Арефьева (певица из Екатеринбурга). Он «открыл» её записи примерно в 2010 году и наша квартира наполнилась её песнями. Он мне прямо говорил, что влюблён в неё (такое я слышал от него впервые в жизни). Я отвечал «так держай!». Года через три она приехала на гастроли в Киев, где дала один концерт. Я предлагал ему посетить её концерт, билет за мой счёт. Яша не пошел. То ли не хотел тратить мои деньги, то ли сознавал, что они не пара (он больной инвалид), то ли просто дома на экране лучше видно и слышно, чем в зрительном зале. Он продолжал и дальше часто слушать Арефьеву.

Яша не был влюбчивым. Наверное, инициатива чаще исходила не от него. И очень сильно не любил никого, по моим

наблюдениям. Это видно и по его стихам. Но отдельные разочарования, вероятно, существовали, и их отражение можно увидеть в некоторых строчках. Если были общие интересы и взаимопонимание или желание помочь, Яша мог поддерживать дружеские отношения, как с мужчинами, так и с женщинами.

О здоровье. Яша, вместо того, чтобы пользоваться неустанными заботами своей любящей мамы и сохранять своё Богом данное изначально хорошее здоровье, вел неорганизованный нездоровый образ жизни с ночными бдениями..., не берегся при эпидемиях гриппа и других болезней. Вообще жил сегодняшним днем не остерегаясь завтрашних последствий. В итоге гепатит с осложнением цирроз печени, остеопороз нижней челюсти и её потеря, тромбофлебит ног с тремя случаями фонтанообразных кровотечений и угрозой гангрены. Яша принимал множество таблеток (лечиться которыми он любил), но режим жизни не изменял и болезни прогрессировали.

Ценным целебным периодом было его почти двухлетнее пребывание в качестве послушника в Косьмо-Дамиановском монастыре, расположенном в 16 километрах от Алушты в высокогорном лесу на территории Государственного заповедника (его письмо мне из монастыря приведено выше после стихов). Там находится Святой целебный источник Савлух-Су, которым он неограниченно пользовался. Там он существенно пополнил свои знания Библии и молитв, которые ежедневно с искренней верой произносил в храме. Наверное, Бог услышал его молитвы и остановил распад челюсти. В монастырь, как на Святое место, приезжали пообщаться с Богом православные Украины, России и других стран. Яшины знания богословия и философии позволяли ему на равных общаться с ними, а с некоторыми поддерживать знакомства и после монастыря, в том числе престижные и полезные, в частности, с руководителем симфониче-

ского оркестра из Германии, помогшим выбрать и настроить хорошую гитару и давшим полезные советы по музыке; с предпринимателем, принявшем Яшу, как инвалида 2 группы, на постоянную работу с минимальными обязанностями. Причем Яша не искал и не гонялся за этими благами, они сами находили его.

ЭПИЛОГ

Он *делал то, что хотел*, но не делал многое из того, что *надо*.

То, что его заинтересовывало (в книгах, разговорах, в политике, философии, религии, в медицине, химии...) он понимал, надолго запоминал и мог применять на практике. В итоге был эрудитом, с которым друзья советовались по многим вопросам. Для друзей и всех нуждающихся он ничего не жалел. **То**, что его не интересовало, он не хотел делать или делал плохо: не хотел поддерживать порядок в комнате и на столе, соблюдать режим дня, учить уроки, делать неинтересную работу. В итоге конфликты в детском садике, в школе, на работе, дома с родителями, даже в монастыре. В молодые годы, до 25–30 лет все это происходило на фоне страстного увлечения стихами. Одновременно прогрессировали болезни и неадекватные способы самолечения, порождавшие новые болезни.

Мы, родители не сумели найти нужные подходы, чтобы помочь Яше, мы только напоминали ему о том, что он **должен**, причем иногда в излишне резкой форме. Таким образом, Яшу окружала некомфортная психическая обстановка дома, в школе, обществе. Он осознавал свою неадекватность, переживал, что доставляет неприятности близким людям (см. стих 55), видел несовершенство людей, общества, и всё это, как умел, выражал в своих стихах.

В середине 2017 г. цирроз печени так нарушил обменные процессы, что начался тяжелый асцит (водянка) брюшной полости. Госпитализация. 10 дней медикаментозного лечения ничего не дали. Предписанный больничный режим Яша, конечно, не выполнял. 4 июля он совершил прогулку в город, и по возвращению у него произошло сильное горловое кровотечение, он потерял половину крови, и стало ясно, что это — конец. Умирал он в больнице на моих глазах. Сознание не терял, мог говорить и двигаться. Держался мужественно. За несколько минут до смерти он попросил сжать его ладонь. Я сжал.

Он сказал «сильнее» и с неожиданной силой сжал мою ладонь и сказал «вот так». Я сжал изо всех сил, но, наверное, слабее, чем он. Дыхание становилось редким и трудным. Затем он посмотрел на меня и, как мне показалось, с улыбкой внятно произнес «Всё, меня уже нет» и через пару минут его не стало (Полночь с 4 на 5 июля 2017). Рукопожатием он передал мне себя, и вот я живу с его наследием, стараюсь его упорядочить и передать людям.

Больше года тяну с напечатанием книжки Яшиных стихов, всё переделываю его биографию. За это время вчитался в его стихи и оценил их (во введении я писал о своих сомнениях в их ценности): у него много философских рассуждений и хороших метафор, например:

«Люди — щепки в водовороте событий»,

«Непрестанно углублять свое дремучее невежество все новой и новой информацией» (стих. 12).

«Ну, вроде ангел, только дьявола рога» (стих. 66).

«Отсутствие идеалов, весьма наскучившее, замечит их невообразимое, до безобразия, разнообразие»,

«Жизнь растительная и немая жуёт исполинскими челюстями расползающийся шлейф цивилизаций и без всяких прибауток, просто так проглотит хрупкий мир сознания, если какой-нибудь из его механизмов выйдет из строя» (стих. 15), — последнее можно трактовать как предвидение катастрофических пандемий типа Covid-19.

Содержание

Вступительное слово отца поэта	3
--------------------------------	---

Окружающий мир и его восприятие в 1980-ые

1. Не люблю рифмовать	9
2. Музыка ноосферы	10
3. В высоту из бушующих чертополохов	11
4. О, глупец, убоявшийся смерти!	12
5. Касаясь только тонких струн	13
6. Распятый мир	13
7. Повторение — трение в прозе скрипучих осей	14
8. Аллитерация	14
9. Тонкая черная линия делит мишень на две части	15
10. День пройдет без следа	16
11. Мой город	16
12. Манифест крысолова, играющего Марсельезу	18
13. Всплески эмоций на тему Афгана	18
14. Перспективная басня	20
15. Пускай глаза полны песка	21
16. Коллизия	21
17. Нити путей, ненадежная связь	22

Элементы лирики

18. Голоса и дыхание жизни чужой	23
19. Подводные камни гореть не хотят	24
20. Ночной романс	25
21. Вместе быть невозможно	26
22. Возможно	26
23. Если сказать бы я мог то, что должен	27
24. На что надеяться, любовь?	27
25. Когда мы проснемся	28
26. Проснувшись в сумерки одни	28

27. Мы не связаны нынче — мы квиты	29
28. Созреют времена и сроки	29
29. Когда я был так мал	30
30. Заклинание огня	31
31. Городской романс	31
32. Невозможно проникнуть в значение слов	32
33. Полнолуние первой половины июля	33
34. Мягкие шестерни дней, называемых буднями	34
35. Шелк жизни	34
36. Осенний шансон	35
37. Родина	36

Зарисовки с природы

38. По краю скользящей черты	37
39. На зов трубы, плывущий по холмам	37
40. Желтый филин — ночное окно	38
41. Дни какие-то бесконечные	38
42. Я езжу в общественном транспорте целыми днями	39
43. Странное путешествие	39
44. Прокис медовый свод небес	40
45. Собиралось холодное утро	41
46. Чтобы видеть глазами дня	41
47. Движение против ветра	41
48. Как легки остроплётные своды ветвей	42
49. Что в воздухе? — не звук, не запах	43
50. Простерты тени кленовых объятий	43
51. Птичий язык — без отдельных слов	43
52. Цейтнот мотива — ленточный паук	44
53. Поздняя осень	44

Миниатюры

54. День похож на тарелку с испорченным супом	45
55. Он был зачат, и его выносили	45
56. Что будет? — Никто ни о чем не спросил	45
57. Я помню о тебе, забыв, что значит помнить	45
58. Черное — черное, белое — белое	45
59. Власть увлечений, что лесть обольщений	46
60. Три действующих лица в комедии	46
61. Так далеко твой дом	46
62. Я продолжаю видеть наяву	46
63. Серебряная птица саксофон	46
64. Парные строфы	47
65. А В С	48
66. Бутылка старого вина	49
Письмо Яши своему отцу из Космодомиановского монастыря в Крыму, в котором он был послушником в 2009-2011 годах	50
Биография Якова Рокитянского (1964–2017)	53
Эпилог	70
PS. Послание из зазеркалья	75

PS. Послание из зазеркалья

Когда-нибудь я стану эхом
Прибоя времени, куражась среди скал,
Сомкнувшихся как строй в улыбке века
Над бездной вёсел с числами весны.
Веселый призрак с тонкими зрачками
Ужели я печалюсь на причале,
Ужели звуки, колыбель моя,
Как мебель полированная стали
В квартире тайны окон заслонять,
Не пропуская свет в пыли зеркальной...
 Как вены мира отворяет телефон
 Забвенным тварям жестяные двери
 Звучит рояль на верхнем этаже —
 Все звери немы разночтеньем слов
 И линий тела бездной повторений,
 Что помнят тотемические узы.

Я узнаю тебя, мой берег,
Земля и город, как звезда и крест.
Вода, пусти меня в мой дом,
Я вижу сонм смешавшихся потоков.
Сомнений нет и нет в словах ответа —
Я падаю, пусти меня вода!
 Когда-то я и ты и словом и лицом одним
 Казались, были и текли покорно,
 Но день, конца которому не будет,
 В раздоре плоти и крови настал
 И твердь небес распалась
 На жидкий камень, свет и тьму,
 А воздух, обжигая крылья,
 Как нож меня сгибает пополам

Едва ли это день, и я не я.
Глаза мои водой не становитесь!
Едва ли это ночь — мой голос, словно тень,
Я эхо чувствую, как воротник пенковый.
Мой слух, как падающий камень,
И звон ключей, как пена на губах.

Август 1986

Літературно-художнє видання

ЯКОВ РОКИТЯНСЬКИЙ

Музика Ноосфери
(рос. мовою)

Вірші

Комп'ютерне верстання — *Думанецька С.С.*
Дизайн обкладинки — *Бабинець Н.А.*

Підписано до друку 30.06.2020 р.

Формат 60x84/16. Гарнітура Arial

Папір офсетний. Друк офсетний

Ум.-друк. арк. 4,4

Наклад 100 прим. Зам. № 2606-20

Видавець і виготовлювач ТОВ «Талком»

м. Київ, вул. Львівська, 23, тел./факс (044) 424-40-69, 424-56-26

E-mail: ukraine.vdk@email.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 4538 від 07.05.2013

*Поэты не рождаются случайно,
Они летят на Землю с высоты,
Их жизнь окружена глубокой тайной,
Хотя они открыты и просты.
(Игорь Тальков)*

Поэт Яков Игоревич Рокитянский (1964 - 2017) прожил короткую творческую жизнь. Пик его поэтических исканий приходится на 80-ые годы прошлого века. О его стихах лучше всего написал в своем отзыве 1988 года известный бард Александр Городницкий: *«...в них нашли отражение сложные проблемы сегодняшнего нового поколения, не желающего привычно брать на веру стереотипы старого мышления и рифмованного ямбического стихосложения».*

Коми, зимнее заполярье, 1985. Картина молодого (ныне известного) художника-иконописца Юрия Никитина, приезжавшего туда вместе с Яшей.

*Я живой, недобитый в срок,
Сердцем в будущее стучась,
Заклинаю себя не спать,
Из рук оружия не выпускать
Созиданием так научиться владеть,
Чтоб из пепла вчерашнего дня,
Без изъяна мой новый день
Полон нового был огня.*